

Наступив на больную мозоль Се Чунъяня, Чэн Фань на время оставил мысль о своих заранее заготовленных условиях. В прошлой жизни Се Чунъянь стал жертвой чужого коварства именно из-за тоски по матери и благоговейного отношения к ее памяти. Он тоже был глубоко несчастен, и Чэн Фань прекрасно понимал его боль.

Пока он предавался этим мыслям, Се Чунъянь уже подошел вплотную. От мужчины исходила тяжелая, давящая аура глухого раздражения.

Резкая перемена в поведении собеседника заставила Чэн Фаня попятиться. Он отступал, пока не уперся спиной в холодные перила террасы. Ладони мгновенно взмокли от пота.

— Откуда тебе это известно? — ледяным тоном спросил Се Чунъянь.

Минуту длилось тягостное молчание.

Чэн Фань отвел взгляд, словно решаясь отказаться от своей затеи.

— Твоя мама в Городке Лотосов. Если не веришь, можешь проверить сам.

Словно повинувшись капризной игре лунного света, ярость Се Чунъяня улетучилась без следа. Он лишь пристально, изучающе посмотрел на юношу.

Вскоре по террасе разнеслось эхо удаляющихся шагов.

Чэн Фань постоял под луной еще немного. Влажный пот на спине постепенно остывал. Заметив под ногами мелкий камешек, он легонько пнул его носком туфли.

— Не хочешь брака — не надо. Я ведь тебе точный адрес подсказал, мог бы хоть «спасибо» сказать.

Вернувшись на банкет, Чэн Фань заметил, что место во главе стола пустовало. Зато Сян Чжи и Фан Юйчэнь были на месте — завидев его, они с нескрываемым любопытством уставились в его сторону.

Вернувшись домой, Чэн Фань наскоро принял душ, выпил таблетку fden, чтобы унять слабость, зажег ночник и запер дверь спальни изнутри.

Лунный свет ложился на теплое одеяло, а в голове Чэн Фаня теснились смутные мысли.

За те годы, что его держали взаперти на чердаке, он до безумия возненавидел темноту. Горничная А-Вэнь и остальные слуги, злясь на его капризный нрав, частенько нарочно отключали ему электричество. Даже если он жаловался дворецкому, толку от этого было мало: порядок наводили лишь на время, а потом все повторялось. С тех пор ночной мрак наводил на него непреодолимый ужас.

В такие минуты он радовался луне.

Пусть ее сияние не шло ни в какое сравнение с ярким дневным солнцепеком, но именно этот призрачный свет оставался его единственным утешением и дарил зыбкое чувство безопасности.

Вскоре действовало лекарство. Разум заволокло сонной дымкой, голова тяжело опустилась на подушку, и перед мысленным взором вновь поплыли страшные картины его гибели в прошлой жизни.

В полузабытьи он вспомнил момент своего падения: край крыши у чердака тогда оказался на редкость скользким, будто смазанным чем-то.

Его смерть вряд ли была несчастным случаем.

От этой мысли дыхание перехватило, и Чэн Фань судорожно вцепился пальцами в одеяло. Все шло наперекосяк. Се Чунъянь наотрез отказался от брака.

Приоткрыв глаза, он тупо уставился на слабый лунный луч.

«Пожалуй, свадьба и не обязательна. Можно просто изменить условия сделки — объединить усилия и отомстить вместе»

Но если он не станет действовать, чета Чэн пойдет на любые ухищрения, лишь бы сосватать его в семью Се. Это сильно осложняло дело.

Ночь тянулась мучительно долго. Темнота поглотила его, увлекая в пучину бесконечных сновидений.

Ему приснилось детство. У него была младшая сестра, но в один прекрасный день она бесследно исчезла, и мама целыми днями плакала навзрыд.

Пятилетний Чэн Фань, не вынеся материнского горя, натянул белое детское платьице сестры в цветочек и притворился, будто малышка вернулась. Мать, увидев его, залилась слезами и крепко, до боли, прижала к себе.

Двор наполнился их общим горьким плачем.

В полусне Чэн Фань отчаянно пытался разглядеть размытое лицо этой женщины. Его лоб покрылся крупными каплями пота.

Резко проснувшись в холодном поту, он осознал со всей очевидностью:

Женщина из его сна не была госпожой Чэн.

Лишуй Хэтин

В самом центре Биньчэня, вдоль набережной, выстроились элитные жилые комплексы. Эти роскошные апартаменты корпорация «Сеши» построила два года назад. Всего девяносто девять квартир — излюбленное место для деловой элиты, которой требовалось надежное пристанище в городе.

Интерьер просторного двухуровневого пентхауса был выдержан в строгой черно-бело-серой гамме. Мрамор благородных пород и редкие отделочные камни гармонично сочетались между собой, подчеркивая безупречный минималистичный шик, перекликавшийся с неоновым сиянием делового центра за панорамным окном.

Окна были занавешены полупрозрачным белым тюлем. Се Чунъянь сидел на светло-сером диване, расстегнув ворот простой белой рубашки. Его лицо оставалось мрачным и напряженным.

В трубке раздался тихий, предельно осторожный голос секретаря Циня:

— Директор Се, теперь это можно утверждать наверняка... Она действительно в Городке Лотосов.

Дыхание Се Чунъяня замедлилось. Тайный уголок его души, который он так долго оберегал от посторонних глаз, бесцеремонно выставили на всеобщее обозрение.

Он молча гипнотизировал взглядом экран телефона.

Подождав немного, секретарь Цинь продолжил:

— Все эти годы мы искали везде, кроме Биньчэня. Проверили даже то место, где похитили вас с госпожой Су. Но кому могло прийти в голову, что тело спрячут в такой глуши, в еще не

освоенной туристической зоне? Очевидно, это дело рук...

Осознав, что переходит черту, секретарь Цинь осекся на полуслове.

В висках нещадно запульсировало. Се Чунъянь почувствовал, как к горлу подступает тупая боль. Он снял очки, расстегнул ремешок наручных часов и небрежно бросил их на кофейный столик.

В его обычно холодных черных глазах промелькнула глубокая, невыносимая горечь.

— Когда обнаружите тело, ничего не трогайте, — глухо приказал он. — Я приеду сам.

— Слушаюсь, — ответил секретарь Цинь.

— И еще. Проведи тотальную проверку семьи Чэн. Особенно меня интересует Чэн Фань. Переверни всю его подноготную.

— Будет сделано.

В пустой гостиной воцарилась звенящая тишина. Се Чунъянь поднялся и, чувствуя навалившееся одиночество, направился в винный погреб, где откупорил бутылку красного.

Теперь, когда его мать наконец найдена, многолетний узел в его груди мог затянуться. Он никогда не тешил себя иллюзиями, что она жива. В девять лет, когда их похитили вместе, а затем его одного вызволили из плена, полиция сразу сообщила, что на месте преступления произошла трагедия и мать погибла.

Вот только тело госпожи Су тогда бесследно исчезло.

Те семь дней в плену, когда его насильно разлучили с матерью, показались ему вечностью. Опустевшее поместье семьи Су до сих пор являлось ему в кошмарах. Это не было обычным похищением: его не связывали по рукам и ногам, а просто заперли в пустом дворе.

Напоенный одурманивающими снадобьями, из-за которых он онемел, мальчик не мог позвать на помощь. Память путалась, он даже не мог написать записку.

Но однажды на высокой глинобитной стене, наводившей на ребенка неопикуемый ужас, появилась маленькая девочка лет трех-четырех в белом цветочном платице. Она очаровательно улыбалась и лепетала что-то невнятное. Увидев его замарашкой, она три дня подряд перебрасывала ему через забор хлеб и питьевой йогурт.

Умирая от голода, он жадно поглощал еду.

Постепенно действие дурмана ослабевало, сознание прояснялось. На четвертый день он твердо вознамерился попросить девочку о помощи, но внезапно вернулись испуганные похитители, а следом за ними нагрянула полиция во главе с его отцом.

После спасения мать так и не нашли. Он потерял ее навсегда.

Красное вино мягко покачивалось в бокале, насыщаясь кислородом, раскрывая терпкие танины с легкой, едва заметной горчинкой.

Поставив бокал, Се Чунъянь глубоко вздохнул и вернулся в кабинет к работе. На его плечах лежало руководство огромной корпорацией, и он уже очень давно нормально не отдыхал.

На следующий вечер ему доставили досье на Чэн Фаня и его семью. Из документов следовало, что у юноши не было ни мотивов, ни физической возможности как-либо быть связанным с тем давним похищением. Круг его общения оказался предельно простым. Зато дела госпожи Чэн выглядели куда более запутанными и скрывали немало подозрительных секретов.

Се Чунъянь вытащил из папки фотографию Чэн Фаня и задумчиво постучал пальцами по столу.

Две недели спустя

Прошло две недели. Чэн Фань чувствовал, что его здоровье заметно окрепло: приступы слабости почти прекратились, а жизненных сил заметно прибавилось.

Вся семья Чэн с утра до вечера была занята подготовкой к выставке коллекций «Treasure», которая должна была состояться под их эгидой в поместье Линдон. На младшего сына ни у кого не оставалось времени, что было ему только на руку — госпожа Чэн так и не заметила улучшений в его состоянии.

В гостиной Чэн Ань, судорожно сжимая в руках пухлую стопку буклетов с описанием экспонатов, выглядел крайне раздраженным. Горничная А-Вэнь робко переминалась с ноги на ногу рядом с ним, держа поднос с фруктами и боясь издать хоть звук.

— Да что за жарница в доме! Зачем кондиционер врубили на полную мощность?!

Чэн Ань уже две недели безуспешно пытался зазубрить текст, и его терпение лопалось. Мать отдала жесткий приказ: эта выставка — ключевой шаг к браку с Сеши, и он обязан выучить все до единого слова.

— Фрукты несвежие! Иди перемой! — рявкнул Чэн Ань, попробовав одну черешню, и швырнул тарелку прямо в А-Вэнь.

Испуганная девушка задрожала и тихонько заплакала.

Ее слезы лишь сильнее взбесили юношу. Швырнув бумаги на диван, он сердито зашагал в сад.

Когда заплаканная горничная убрала осколки и мусор, Чэн Фань, наблюдавший за сценой со второго этажа, бесшумно спустился вниз.

Документы лежали на диване. Он быстро огляделся — слуги были заняты своими делами и не обращали на него внимания.

Сфотографировав на телефон все страницы, он вернул стопку на место и поднялся к себе.

Замыслы родителей были шиты белыми нитками: они хотели блеснуть эрудицией Чэн Аня на выставке «Treasure», чтобы привлечь внимание Се Чунъяня и сосватать его.

Кроме того, Чэн Фань случайно подслушал разговор родителей о том, что старик Се — страстный коллекционер антиквариата — тоже посетит мероприятие, и для него заготовили особый подарок.

В своей комнате Чэн Фань внимательно изучил снимки. Экспонаты выставки действительно оказались редкими и специфическими, широкой публике почти неизвестными.

Поместье Линдон

В день открытия выставки в поместье Линдон все семейство Чэн явилось при полном параде. Однако Чэн Фаню мать наотрез отказала, несмотря на его уговоры. Сославшись на то, что сегодня будет слишком занята и не сможет присматривать за ним, она велела дворецкому караулить младшего сына дома.

Даже когда Чэн Фань закатил показательную истерику, госпожа Чэн осталась непреклонна, лишь пообещав привезти ему подарок.

Внешний вид Чэн Аня тщательно продумали стилисты: безупречный костюм, изысканная укладка. Перед уходом он одарил сидящего на диване Чэн Фаня презрительным взглядом, не скрывая своего триумфа.

Провожая хозяев, слуги наперебой рассыпались в комплиментах Чэн Аню, восхищаясь его утонченными манерами.

Когда за ними закрылась дверь, Чэн Фань, мгновенно растеряв всю напускную грусть, лукаво улыбнулся. Его взгляд упал на буклет с описанием экспонатов, который Чэн Ань в спешке позабыл на журнальном столике.

Выставка «Treasure» носила полузакрытый характер. Попастъ туда можно было только по именным приглашениям, рассылаемым исключительно сливкам общества.

В галерее собралось не более тридцати гостей — влиятельные бизнесмены и представители старейших династий страны.

Залы, оформленные модным дизайнером Цзеси, представляли собой полуоткрытые анфилады с высокими лаконичными сводами. В интерьере тонко переплетались мотивы неокитайского стиля и европейского модерна, создавая идеальное пространство для демонстрации западных экспонатов.

Буквально за пять минут до начала выставки Цзеси сообщили, что в список создателей концепции необходимо внести еще одно имя — Чэн Аня.

Дизайнер был в ярости, но, понимая правила игры в этих кругах, уступил под натиском угроз и щедрых обещаний четы Чэн.

— Редчайшая вещица, — старик Се, повидавший на своем веку немало диковинок, с неподдельным интересом разглядывал один из экспонатов.

Се Чунъянь изначально не планировал ехать, но, не желая расстраивать дедушку, отменил все деловые встречи.

Старейшина Се дружил с главой корпорации «Сянсинь» господином Сяном, поэтому его сына, Сян Чжи, тоже притащили на выставку в качестве сопровождающего.

Помимо культурной программы, у выставки «Treasure» была и негласная цель — познакомить молодых людей из приличных семей.

Старик Се, кивнув на изящную резьбу, со значением произнес:

— Цветы лотоса на одном стебле. Символ вечной любви и согласия.

Се Чунъянь притворился, что не понял намека:

— Весьма недурно с эстетической точки зрения.

Дедушка нахмурился:

— В нашей культуре всегда ценилась гармония союза.

— Союз гармоничен лишь тогда, когда на него есть время в плотном рабочем графике, — невозмутимо парировал внук.

Сян Чжи не удержался от смешка, наблюдая за этой завуалированной попыткой сватовства. Однако, поймав суровый взгляд старейшины Се, он тут же поспешил оправдаться:

— Мне еще хочется погулять. До тридцати о браке даже не думаю.

— Если бы у Чунъяня хоть кто-то был на примете, я бы молчал, — проворчал старик Се. — Но ведь вокруг него пустыня! Как тут не переживать?

Отец Сян Чжи попытался его урезонить:

— Твоя спешка делу не поможет.

Старик Се вспыхнул:

— Если к моему юбилею в этом году ты не приведешь в дом пару, можешь забыть, что я твой дед!

Поскольку эти четверо занимали исключительное положение в обществе, их разговор привлек немало внимания. Вскоре вокруг них собралась внушительная толпа гостей, решивших составить им компанию.

Члены семьи Чэн тоже поспешили присоединиться, угодливо улыбаясь.

Пользуясь случаем, многие гости пытались подмазаться к старейшине Се, расспрашивая его об экспонатах и наперебой восхваляя его безупречный вкус.

— А вот об этой картине я мало что знаю. Слишком уж она редкая, — признался старик Се, остановившись перед одним полотном.

— Наш Ань-Ань с детства увлекается искусством. Может, он подскажет? — негромко, но так, чтобы услышали все вокруг, произнесла госпожа Чэн. Взоры присутствующих тут же обратились к ним. — Тем более что Ань-Ань помогал в концептуальном оформлении этой

выставки «Treasure», так что должен быть в курсе дел.

Оказавшись в центре внимания, Чэн Ань нацепил самую обаятельную, по его мнению, улыбку, хотя его ладони так взмокли от пота, что стали ледяными.

В последние дни он зубрил описания без отдыха, но сейчас в голове все перепуталось, и он судорожно пытался вспомнить нужный текст.

Мать легонько подтолкнула его в спину, побуждая сделать шаг вперед.

Справившись с волнением, Чэн Ань скромно произнес:

— На этой картине изображен придворный живописец, пишущий портрет юной принцессы. Полотно прославляет величие королевской династии. Это работа девятнадцатого века под названием «Дворец».

Старик Се выслушал его и повернулся к госпоже Чэн:

— Это ваш сын?

— Да, дядюшка Се. Мой старший, Чэн Ань.

— Прекрасное воспитание, — одобрительно кивнул старик.

Госпожа Чэн расплылась в улыбке:

— Вы слишком добры к нему.

Казалось бы, на этом разговор должен был закончиться, но женщина решила развивать успех:

— Недавно мы беседовали с председателем Се о браке наших детей. Это сейчас такая головная боль для всех родителей.

Под «председателем Се» она имела в виду отца Се Чунъяня, который хоть и сохранял за собой номинальный пост, но фактически давно отошел от дел, передав бразды правления сыну.

— Вот как? — приподнял брови старик Се. — Проблемы на личном фронте?

— Мы очень хотели подыскать для Ань-Аня достойную партию, но он ни в какую не соглашается на наши варианты. Говорит, что его сердце уже занято тем, кем он восхищается

всей душой, — угодливо защебетала госпожа Чэн.

Старик Се понимающе кивнул, не собираясь расспрашивать дальше, однако госпожа Чэн не унималась:

— Наш мальчик уже давно тайно восхищается директором Се.

Только тогда старейшина Се удостоил Чэн Аня внимательным взглядом и с легкой усмешкой обратился к внуку:

— Чунъянь, неужели ты разбил чье-то сердце?

Старик Се прекрасно читал скрытые мотивы людей. Члены семьи Чэн пытались навязать ему своего сына, и хотя обычно он пресекал подобные вольности, сейчас ему хотелось посильнее уколоть упрямого внука. Поэтому он намеренно добавил:

— Что ж, Чунъянь, вам определенно стоит обменяться контактами.

Эти слова прозвучали для толпы как сигнал: семья Се не против сближения с Чэнами.

По меркам высшего света Чэны были лишь выскочками с шатким положением, которым даже порог дома Се переступить не светило. Смелая попытка госпожи Чэн со стороны казалась верхом наглости, но неожиданная реакция старика заставила всех тактично промолчать.

Гости начали перешептываться, а госпожа Чэн и Чэн Ань едва сдерживали ликование.

Се Чунъянь заметно помрачнел. Под элегантными очками в тонкой серебряной оправе его взгляд стал ледяным и колючим, но из уважения к деду он сдержал раздражение.

Сян Чжи решил разрядить обстановку:

— Ну что ж, давайте поближе рассмотрим этот шедевр девятнадцатого века.

— Это семнадцатый век. И картина называется иначе.

Чистый, звонкий юношеский голос прозвучал из глубины зала. Толпа расступилась, давая дорогу говорившему. Старик Се, чье настроение уже начало портиться, с любопытством обернулся.

— Данное полотно по своей художественной ценности не уступает величайшим шедеврам мирового искусства, — спокойно заговорил Чэн Фань. — Оно принадлежит кисти великого

испанского мастера и изначально носило название «Мотылёк». Лишь в девятнадцатом веке его переименовали во «Дворец». С помощью тонкой игры света и тени автор высмеял праздность и пороки королевского двора. Главными героями здесь выступают вовсе не принцесса, а карлица-служанка и сам художник, запечатлевший себя у холста.

Чэн Фань говорил ровно, с достоинством. Благодаря годам занятий каллиграфией и классическими танцами в его осанке сквозило благородство старой интеллигенции, а утонченные черты лица приковывали взгляды. Гости начали заинтересованно переглядываться.

Закончив объяснение, Чэн Фань протянул госпоже Чэн папку с бумагами:

— Мама, ты забыла взять эти важные документы. Я заметил их дома и решил привезти.

Госпожа Чэн, онемев от шока, деревянным движением зажала папку в руках.

В толпе тут же зашептались:

— Это тоже сын Чэнов?

— Вроде бы да. Но я слышал, у них младший умом тронулся после тяжелой детской лихорадки.

— Да, ходили такие слухи.

— Надо же, какой статный юноша. Повезло родителям с сыновьями.

— И эрудирован на редкость, манеры безупречные.

Старик Се посмотрел на Чэн Фаня с явным одобрением. Насмешливо взглянув на покрасневшего Чэн Аня, он обратился к младшему брату:

— Юноша, ты хорошо разбираешься в здешней коллекции?

— Мои познания весьма скромны, — вежливо ответил Чэн Фань.

— Не хочешь составить мне компанию и рассказать о других экспонатах? — с теплой улыбкой предложил старейшина.

— С радостью.

Чэн Фань направился к старику Се. Проходя мимо Се Чунъяня, он вспомнил их недавний разговор на террасе и, словно гордый маленький павлин, вздернул подбородок, даже не взглянув на мужчину.

Сян Чжи, наблюдавший за этой сценой с улыбкой, пихнул Се Чунъяня локтем:

— Что, друг, разговор на террасе прошел не так гладко, как хотелось бы?

Се Чунъянь снял очки и, прищурившись, промолчал.

Видя, как Чэн Фань уводит за собой старейшину Се, госпожа Чэн чуть не задохнулась от злости. Ее муж, помрачнев, тихо спросил:

— И что нам теперь делать?

Чэн Ань, чей авторитет был растоптан на глазах у всех, едва сдерживал слезы обиды и зависти. Ему хотелось немедленно сбежать.

— Иди за Се Чунъянем, — сквозь зубы процедила бледная как смерть госпожа Чэн, крепко сжав руку старшего сына. — Ты должен добавить его в контакты. Мы еще не вручили наш подарок.

— Как я могу навязываться после такого позора?! — заскулил Чэн Ань. — Этот паршивец Чэн Фань вечно все портит!

— Тихо! Иди за ним, а там разберемся, — оборвал его отец.

Тем временем Чэн Фань продолжал вести гостей по галерее:

— А этот экспонат — «Весна», одна из картин знаменитой серии Карла Линнея. Восемь лет назад она ушла с молотка на нью-йоркском аукционе за баснословную сумму.

— А здесь перед нами...

Старик Се шел рядом, увлеченно беседуя с юношей. Почти все присутствующие следовали за ними, замороженные рассказами Чэн Фаня.

В его манере говорить сквозила легкая юношеская надменность, которая, впрочем, не раздражала, а скорее интриговала. Непоколебимая уверенность в себе и мягкий, бархатистый голос придавали его словам особое очарование.

Сян Чжи негромко шепнул Се Чунъяню:

— Младший Чэн держится увереннее любого наследника благородного семейства. Черт, мне определенно нравится этот парень.

Се Чунъянь лениво скользнул взглядом по фигуре Чэн Фаня:

— Тебе он не по зубам.

Когда толпа остановилась у витрины с изысканной фарфоровой вазой, госпожа Чэн, улучив момент под предлогом помощи организаторам, снова протиснулась к Се Чунъяню и его деду. Она приторно улыбнулась:

— Директор Се, может, все-таки обменяемся контактами?

Ее настырность заставила гостей неловко отводить глаза. Даже старик Се мысленно пожалел, что поднял эту тему ранее.

Се Чунъянь молча посмотрел на женщину, а затем повернулся к деду:

— Дедушка, у меня уже есть тот, кто мне нравится.

Старик Се просиял:

— Неужели? Вот и славно! И из какой же он семьи?

В высшем свете давно ни для кого не было секретом, что женщин Се Чунъянь не жаловал.

Лицо госпожи Чэн мгновенно осунулось. Она судорожно сжала ладонь старшего сына, боясь услышать имя наследника какого-нибудь могущественного клана.

Игнорируя ее заискивающий взгляд, Се Чунъянь обошел женщину и медленно направился к Чэн Фаню.

Чэн Ань затаил дыхание, его сердце бешено заколотилось от дурного предчувствия.

Се Чунъянь остановился прямо перед Чэн Фанем. Его темные, почти антрацитовые глаза слегка сощурились, устремив на юношу глубокий взгляд:

— Чэн Фань, согласен ли ты вступить в брак с семьей Се?

<http://bllate.org/book/19809/1985572>